

V.

Россія естественно имѣла всѣ права положиться если не на содѣйствіе, то на совершенный неутралитетъ Австріи.

Императоръ Николай могъ предполагать, что спасенная имъ отъ гибели и возстановленная Австрія сохранила сознаніе великихъ услугъ, ей оказанныхъ. Онъ могъ полагать, что Австрія не извлечетъ меча, который безъ его помощи преломился бы въ смутахъ. Въ Совѣтѣ юнаго Императора благодарность не должна ли была занять первое мѣсто? — Впрочемъ такъ заставляло думать самое поведеніе Австрійскаго Кабинета. — Его нерѣшительная политика избѣгала всякихъ столкновеній съ войною; въ Вѣнѣ шли нескончаемые переговоры, писались ноты, предложения, протоколы, имѣвшіе цѣлью выиграть время и предоставить обстоятельствамъ возрожденіе такого события, которое могло бы служить Австріи благовиднымъ поводомъ къ принятию дѣятельного участія въ Восточномъ вопросѣ.

Австрія разыгрывала партію свою осторожно;

осмотрительно подвигалась она по этой политической тропѣ, усѣянной на каждомъ шагу препятствиями и опасностями.

Безъ сомнѣнія, Австрія не могла раздѣлять политическихъ мнѣній Западныхъ державъ: въ этихъ мнѣніяхъ ясно говорилось о независимости Турціи, а часть, которая могла выпасть при раздѣлѣ этой страны на долю Австріи, приводила въ раздумье Вѣнскій Кабинетъ. — Но въ то же время Австрія не хотѣла отступить отъ политическихъ преданій Князя Метерніха въ войнѣ 1828 — 1829, когда одинъ Вѣнскій Кабинетъ возсталъ противъ Россіи, между тѣмъ какъ Парижскій, Лондонскій и Берлинскій безмолвно смотрѣли на переходъ Русскихъ войскъ черезъ Балканы и на заключеніе Адріанопольского трактата.

Чѣмъ громаднѣе были услуги, полученные Австріею въ 1849 году, тѣмъ неудержимѣе было нетерпѣніе, съ которымъ она желала сбросить тяжелое иго благодарности, лежавшее на ней какъ знаменіе слабости въ прошедшемъ и неувѣренности въ будущемъ.

Казалось, Австрія искала только случая, чтобы удачно приложить къ дѣлу слова Князя Шварценберга: «мы удивимъ свѣтъ величіемъ нашей неблагодарности».

Совершавшіяся события скоро вызвали проявленіе этой неблагодарности.—Наконецъ и Австрія понемногу стала склоняться на ходатайство Наполеона и Кабинета Виндзорского; она стала проявлять намѣреніе вступить въ ряды державъ Западныхъ, которымъ такое союзничество должно быть болѣе пагубно, нежели полезно, какъ уже доказали самыя события.

Императоръ Австрійскій съ самаго начала склонялся къ союзу съ Западомъ; его юная идея, смѣлый умъ, предпріимчивый характеръ, желаніе принять участіе въ бурахъ войны, все вызывало его на это сближеніе.

Лица, окружающія Франца-Іосифа, казалось, раздѣляли это мнѣніе, но не такъ рѣзко высказывались, затѣмъ, что, углубляясь въ рѣшеніе этого вопроса, они хорошо понимали всѣ послѣдствія такого союза. Австрія хотѣла этого сближенія и потому, что въ глазахъ ея Россія

постоянно угрожала Германской Имперіи. Занятие устьевъ Дуная Русскими мѣшало развитію Австрійской торговли въ Черномъ морѣ и на Востокѣ.—Въ Вѣнѣ, неизвѣстно почему, подозревали какія - то тайныя намѣренія Россіи нечувствительно овладѣть умами Славянскихъ народовъ и Грековъ Оттоманской Имперіи и такимъ образомъ расширить владычество Россіи до Адріатического моря, посредствомъ непрерывной связи поколѣній Молдаво - Валахскихъ, Сербовъ и Черногорцевъ.

Вотъ причины, побуждавшія Австрію къ союзу съ Западомъ, не смотря на всѣ услуги, полученные ею отъ Россіи въ 1848 — 1849 годахъ.

Но это сближеніе съ Западомъ представляло для нея многія важныя, неотвратимыя опасности. — Мы видѣли, съ какою медлительностію она вступала въ товарищество, обѣщанное Франціи и Англіи съ самаго начала. Это происходило отъ того, что Австрія вступала въ союзъ на условіяхъ, которыхъ принятіе было невозможно. Она вступила въ борьбу, имѣя въ

дахъ измѣнить характеръ борьбы этой, затруднить самый исходъ ея.

Австрія видѣла неизбѣжную опасность въ прибытіи Французскихъ войскъ на границы Венгрии; это сближеніе могло возродить въ національной Венгерской партіи надежды, вызвать смуты, могло исторгнуть съ корнемъ древо Австрійской Монархіи, недавно укрѣпившееся въ почвѣ. — Въ рядахъ самой Французской арміи стали показываться Венгерскіе выходцы. Австрія страшилась появленія Французскихъ знаменъ на границахъ Венгрии; она вступала въ союзъ съ Западомъ, съ тѣмъ, чтобы не появлялись тамъ эти знамена. Можно ли было принять на такихъ условіяхъ ея союзничество? — а оно было принято.

Наполеонъ III высоко цѣнилъ союзъ съ Австріею: онъ, во что бы ни стало, хотѣлъ итти рука въ руку съ потомкомъ древняго Габсбургскаго Дома.

Онъ уже шелъ въ однихъ рядахъ съ Англіею, и такимъ товариществомъ Великобританія, — это горнило всѣхъ враждебныхъ предпріятій про-

негодованія. Турки стали рѣшительно въ - туникъ. Англичане не говорили ни слова; они не высказывали своихъ мнѣній: таковы всегда были ихъ военные обычаи. Генераль Скэрлетъ, къ которому кто-то подошелъ съ объясненіемъ по этому случаю, тотчасъ же откланялся подъ предлогомъ важныхъ служебныхъ занятій. Было бы совершенно бесполезно обѣ этомъ говорить съ Лордомъ Рагланомъ и Герцогомъ Кембриджскимъ: отъ нихъ нельзя было ничего добиться.

Маршаль Сентъ-Арно видимо торжествовалъ. Смотря на его восторгъ, можно было подумать, что трактать этотъ былъ его изобрѣтеніемъ и плодомъ его соображеній. Онъ поздравлялъ Решидъ-Пашу, и изъявлялъ г. Бруку полное удовольствіе, видя, что правительство его наконецъ принимаетъ рѣшительныя мѣры.

VII.

Русскіе сами сняли осаду Силистріи и медленно отступили во внутренность Княжествъ, шагъ за шагомъ, уступая мѣсто Туркамъ, подвигав-

шимся весьма осторожно; скоро Австрійцы сънили Турокъ въ Княжествахъ.

Что же дѣлали мы подъ Варной?—Потерявъ всякую надежду идти на Дунай и помѣрять силы съ Русскими, войска наши, томимыя нестерпимымъ лѣтнимъ зноемъ, упали совершенно духомъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, т. е. съ 20-го Іюня по 20-е Августа, тоска по родинѣ, тифусъ и холера страшно свирѣпствовали въ рядахъ союзниковъ. Печальное зрѣлище представляли тогда наши арміи; госпитали были набиты биткомъ; смерть косила усердно, и при всемъ томъ дисциплина видимо слабѣла въ войскахъ, что впрочемъ было весьма естественно.

Поднялся общій ропотъ; въ нѣкоторыхъ баталіонахъ пришлось унимать возстанія: солдаты громко требовали своихъ любимыхъ изгнанныхъ генераловъ.

Къ этой эпохѣ относится первая болѣзнь Принца Наполеона, которая не оставляла его уже въ послѣдствіи, во всю экспедицію. Онъ занемогъ тифусомъ и доктора совѣтовали ему отправиться въ Константинополь, гдѣ воздухъ былъ чище

и жизнь спокойнѣе. Личная его энергія и медицинскія пособія частью возстановили здоровье Принца; но онъ сильно страдалъ, видя безпрестанныя интриги, которыхъ нити изъ Парижскаго Кабинета сосредоточивались въ Константинополѣ. Принцъ очень хорошо зналъ все, что происходило въ Парижѣ, Вѣнѣ и въ Диванѣ. Онъ получалъ письма изъ Франціи, въ которыхъ ясно видѣлъ непреклонное упорство, неизлечимое ослѣпленіе Наполеона III. Принцъ могъ слѣдить въ столицѣ Турціи за всѣми распоряженіями маршала и очень хорошо зналъ участіе его въ губительной политикѣ, которой такъ усердно слѣдовалъ Французскій Императоръ; наконецъ Принцъ зналъ всѣ подробности частныхъ совѣщаній Брука и Решидъ-Паши, а между тѣмъ они совершенно были увѣрены, что ихъ переговоры покрыты непроницаемою тайной.

Принцъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней раздѣлялъ общее уныніе и формально просилъ дозволенія о возвращеніи во Францію.—Онъ съ отвращеніемъ принималъ участіе въ борьбѣ, изъ

которой не могъ предвидѣть исхода; въ такой борьбѣ, гдѣ и самые проницательные люди видѣли только однѣ неудачи, одни разочарованія.— А въ то время никто еще и не помышлялъ о бѣдствіяхъ, которыя ожидали насъ впереди.

На эту просьбу, поданную по начальству, согласія не послѣдовало. Императоръ желалъ, чтобы Принцъ присутствовалъ въ дѣйствующей арміи; для чести Франціи, для чести Императорскаго дома,—Принцъ долженъ былъ остаться.

VIII.

Въ началѣ Іюля стали наконецъ поговаривать о Крымской экспедиціи.—Первая мысль о ней явилась не на Востокѣ: ее задумали въ Парижѣ, и потомъ, побывавъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ, и будучи вездѣ принята благосклонно, она достигла и до насъ.

Въ Лондонѣ негоціанты Сити и акціонеры Остъ - Индской компаніи громко рукоплескали при одной мысли о взятіи Севастополя и объ истребленіи Русскаго флота въ Черномъ морѣ. Что же касается до приведенія въ дѣйствіе

предначертанныхъ военныхъ плановъ, то Англійскій Кабинетъ, по болѣй части состоящій изъ людей коммерческихъ, мало свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ, вполнѣ полагался на распоряженія нашего правительства, которое по крайней мѣрѣ, повидимому, въ этомъ отношеніи могло представить вѣрныя ручательства за успѣхъ. Почтенный графъ Абердэнъ приходилъ въ восторгъ отъ смѣлости и вѣрности нашихъ соображеній; Герцогъ Ньюкастль заранѣе радовался непремѣнному успѣху союзныхъ армій; лордъ Пальмерстонъ опасался одного: ему казалось, что онъ недовольно ясно доказываетъ поспѣшность, съ которою Англія дивится генію и принимаетъ планы Императора.

Повторяемъ, что въ Тюльерійскомъ Кабинетѣ родилась мысль Крымской экспедиціи.—Въ уединеніи, согбенный надъ картою Крыма, не спуская съ нея глазъ, съ циркулемъ въ рукѣ, Императоръ проводилъ цѣлые часы за составленіемъ плана экспедиціи; переписавъ его собственноручно, онъ отправилъ планъ этотъ въ Константинополь, не показавъ никому. Императоръ